

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

УДК 398(470.51)

В. Г. Болдырева, И. М. Нуриева

ПАСХАЛЬНЫЕ КАЧАНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-УДМУРТСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

В статье поднимается проблема русско-удмуртских музыкальных связей. Объектом исследования стали весенние качельные обряды, функционировавшие в недавнем прошлом в русской и в удмуртской традициях.

Истоки ритуального весеннего качания, известного многим народам, лежат в мифологических представлениях дохристианской эпохи и связаны с восприятием весны как времени пробуждения, обновления жизни. Этнографические описания русского и удмуртского качельного обряда во многом схожи, отличия проявляются на уровне вербального и музыкального кодов. В русской традиции во время качания обычно поют лирические и шуточные песни, и только в Вавожском р-не качание сопровождают так называемые *приказульки*. В удмуртской традиции термин «качельные песни» (*жечыран гур*) зафиксирован в Кизнерском (УР) и Кукморском (РТ) р-нах, но не везде он предполагает исполнение песен на качелях. Привлечение материалов по другим этносам, населяющим данный регион, позволит расширить источниковую базу и выйти на новый уровень сравнительного исследования.

Ключевые слова: удмуртский и русский фольклор, весенний качельный обряд, музыкальный код, качельные песни.

Проблема русско-удмуртских музыкальных связей неоднократно поднималась региональными исследователями. Как правило, ученые отмечают возрастающее влияние русской песенности на удмуртскую жанровую систему, в которой уживаются заимствованные русские хороводные, плясовые, поздние лирические песни, баллады, романсы, с одной стороны, и древние автохтонные обрядовые напевы – с другой. Кроме того, удмуртская исполнительская традиция несет важную миссию сохранения, консервации русской культуры, поскольку многие песенные образцы, исчезнувшие из репертуара русских исполнителей, продолжают функционировать в удмуртской среде [Vikár, Bereczki 1989, 9; Ходырева 1996, 9; Стародубцева 2001, 112–120; Нуриева 2004, 154–155 и др.]. Воздействие удмуртской среды на русскую культуру исследовано в меньшей степени, ввиду

недостаточной степени выраженности происходящих изменений, неувлимости самого процесса и, как следствие, трудности его фиксации [Болдырева 2016, 399].

Данная статья продолжает проблематику межэтнических связей. Объектом исследования послужили весенние качельные обряды, функционировавшие в недавнем прошлом и в русской, и в удмуртской традициях.

Ритуальное весеннее качание известно многим народам: восточным и южным славянам, прибалтам, народам Среднего Поволжья и Сибири*. Истоки обряда лежат в мифологических представлениях дохристианской эпохи и связаны с восприятием весны как времени пробуждения, обновления жизни, так что процесс качания способствовал стимулированию плодородных сил природы, благотворно влияя на урожай, на появление потомства у людей и животных.

На территории совместного удмуртско-русского проживания весенние качельные обряды были зафиксированы повсеместно. Сравнивая их описания в двух традициях, можно увидеть много общих черт этнографического порядка. Совпадение времени и места качаний: качели ставили на Пасху на открытом пространстве (луг, околица). Установкой занимались неженатые парни, устройства качелей тоже были сходными; качались на них, как правило, молодые. Аналогичными были и пути забвения обряда: весенние качели, которые позднее стали устанавливать во дворе или в амбаре, превратились в основном в детскую забаву. Наиболее же существенный общий признак – то, что качели открывали весенний сезон вождения хороводов, озвучивающих открытое пространство [Стародубцева 2004, 128–132].

Хотя сведения о качании на качелях в русской традиции зафиксированы повсеместно, однако песни, сопровождавшие это действие, удалось записать далеко не везде, поскольку помнят их лишь немногие. В большинстве районов Удмуртии с качанием на качелях обычно связано исполнение лирических и шуточных песен, припевок и частушек, но только в Вавожском р-не бытовали специальные песни, сопровождающие этот процесс. Вавожский р-н – один из западных районов Удмуртии; традиционно удмуртская территория, на которой русские поселения появились не ранее XVIII века. Русские переселенцы из Вятской губ. обосновывались вблизи удмуртских деревень, и значительное их число составляли старообрядцы. На территории Вавожского р-на сохранилось несколько песенных реликтов, в том числе уникальные образцы качельных песен.

Термин «качельные песни» условный, поскольку традиционного названия для них зафиксировать не удалось. Однако важно упомянуть, что из уст исполнителей прозвучал термин *приказульки*. Как удалось выяснить, на территории Вавожского р-на все жанры музыкального фольклора делятся на собственно песни и *приказульки*: так исполнители называют образцы фольклора несерьезного содержания, исполняющиеся особым образом, близким к мелодекламации.

Важно отметить, что в Вавожском р-не именно с Пасхи начинали водить хороводы, и открывали хороводный цикл качельные песни: «Начинали с *Красного яичушка*. Начинали с качелей и все уже хороводные пели». Первым опубликованным образцом качельных песен, записанным на территории Удмуртии, считается

* Более подробно см.: [Нуриева 1999, 105]

текстовая запись Г. Е. Верещагина, датируемая нач. XX века. Указания на место записи нет, однако вопрошающий зачин всех зафиксированных на территории Вавожского р-на образцах, позволяет отнести эту запись к вавожской традиции.

Красное яичко!
Скажи жениха
Не скажешь ты его —
Закачаем тебя.
До верхнего до бревна,
До высокого коня.

По мнению исследователя, «красным яичком» «называется боязливая девушка, которая просит качать легче или остановиться». Более приличным считается называть девушку «Красным яичком» во всю светлую Седмицу (на неделе Святой Пасхи) [Верещагин 2001, 208].

В вышеприведенном тексте обращают на себя внимание этнографические подробности качания – *до верхнего бревна, высокого коня*, то есть до конька крыши. Но в основном в качельных песнях доминируют мотивы, связанные с брачной тематикой – заигрыванием парня с девушкой:

Закачаем, залучаем,
За себя замуж возьму.

Появляется образ *голубка* — влюбленного молодца, уронившего сапог и просящего девушку его поднять. Используется в тексте и свадебный термин *дары*, девушка должна успеть их вышить ко времени проведения базара, на котором традиционно проходила «ярмарка невест». Качество вышитой одежды играло не последнюю роль в ситуации выбора невесты.

Летел голубок,
Уронил сапожок.
– Подай, девица, сапог,
Подай, красная, сапог,
– Недосуг подавать,
Надо дары вышивать,
Надо дары вышивать,
На базар поспевать.
[Женихов выбирать].

У записанных текстов качельных песен – один напев, основанный на вариантном повторении интонационно-ритмического звена. В его основе лежит тетрахорд в кварте. Равномерная ритмика, продиктованная производимым действием (качанием), организует поэтический текст, образуя построения восьмивременной протяженности. В зависимости от объема поэтического текста песни содержат от 6 до 17 построений.

Исследователь русского фольклора в Удмуртии С. В. Стародубцева соотносит напевы качельных песен с другим календарным жанром, а именно:

святочными гаданиями. «Между гаданиями “Илия” и качельными песнями обнаруживаются аналогии не только в звуковом плане, но и в кинетическом. И тому, и другому жанру свойственно равномерное длительное движение – трясение колец в “Илии” и раскачивание» [Стародубцева 2004, 130].

Качельные песни пели молодые девушки, и сидевшие на качелях, и наблюдающие за процессом. На доску качелей усаживалось несколько девушек, обычно две, спинами друг к другу, а двое парней раскачивали их, встав по обеим сторонам доски и держась за веревки. Главная интрига этого действия заключалась в возможности узнать у девушек имя их симпатии. Раскачивали до тех пор, пока девушки не откроют свой секрет, не скажут имя жениха. Получив ответ, парни останавливали качели.

С точки зрения интонирования качельных песен, единства не существует, однако в большинстве случаев оно приближено к тонированно-речевому. Следующий за основным текстом вопрос: «Скажи, кого любишь?» или «Скажи, кто твой жених?» – произносится говорком.

Красное яичушко

$\text{♩} = 160$

Крас-но - е я - и - чуш - ко, ска - жи = ко же - ниш - ка.
Ес - ли ты не ска - жешь = за - ка - ча - ем мы те - бя.
За вы - со - ки - е ле - са,
Ле - тел го - лу - бок,
У - ро - нил са - по - жок.
- По - дай, де - ви - ца, са - пог,
По - дай, крас - на - я, са - пог.
- Не - до - суг по - да - вать,
На - до да - ры вы - ши - вать,
На - до да - ры вы - ши - вать,
На ба - зар пос - пе - вать.

*Запись В. Г. Болдыревой
2006 г. в г. Ижевске
от Л. М. Анисимовой,
1930 г. р., уроженки
д. Колногорова
Вавожского р-на*

В удмуртской традиции, как отмечено выше, Пасхальные качели тоже распространены повсеместно, но качельные песни (*жечыран гур*) зафиксированы только в двух районах: Кизнерском (УР) и Кукморском (РТ; завятская традиция). В других удмуртских традициях при качании обычно не пели. Несмотря на то что Кизнерский и Кукморский р-ны находятся по соседству, музыкальный и вербальный код качельных обрядов отличается. В поэтических текстах двух образцов качельных песен Кизнерского р-на, опубликованных Р. А. Чураковой, обращают на себя внимание ритуальные «непристойности» с явной магической функцией воздействия на плодородие земли и человека. Вызывающе-открытый эротизм качельных песен по символике близок неприличным намекам песенных текстов осеннего обряда *Пёртмаськон*, распространенных на этой территории:

Жечыран гур. Качельный напев.

<i>Отъ-тётъ-тётъ-тётъ, ву п...</i>	Отъ-тётъ-тётъ-тётъ, влажненькая п...
<i>Эшмен гого – лы гого,</i>	Гого Эшмена – костяной гого.
<i>Пырась-потась замбылай...</i>	При входе-выходе плещущийся-ныряющий...
<i>Кут кутэнэн кышномурт.</i>	Бабёнка с хваткой щелочкой.

[Чуракова 1999, 59].

Пёртмаськон гур. Напев обряда Пёртмаськон

<i>Кубыста п... сиеммы потэ,</i>	Капусту-п... есть хочется,
<i>Губи напырез сиеммы потэ.</i>	Грибную слизь есть хочется.
<i>Выж вылэ выд али, выж пасьта каром,</i>	На пол ложись-ка, шириной
<i>Огпол ке донги, съёд сюлмад вутто.</i>	с половицу сделаем,
	Только раз втолкну, пресытишься
	(букв. до черного сердца достану).

[Чуракова 1999, 102–103].

Качельные песни Кукморского р-на имеют только один приуроченный в обрядовой ситуации текст, в котором упоминаются качели (*жечыран, таган*):

Жечыран сям. Качельный напев.

<i>Жечыран-таган, ай, татын-а?</i>	Качели-таган, ай, здесь ли?
<i>Милям эшгёсмь татын-а?</i>	Наши друзья уже здесь ли?
<i>Татын ке, татын мед луозы,</i>	Если здесь, то здесь пусть и будут,
<i>Мед потозы милям пумитэ.</i>	Пусть выйдут нас встречать.

[Нуриева 1995, 79].

В остальных поэтических текстах превалируют мотивы юношеской дружбы, расставания, девичьей красоты.

Термин «качельные песни» предполагает исполнение песен на качелях под ритм качания. Так исполняются русские качельные песни; возможно, обрядовое пение сопровождало качание и в кизнерской традиции. По крайней мере, Р. А. Чуракова, проанализировав ритмику качельных песен, основанную на равномерном движении, предполагает, что пелись они во время самого раскачивания [Чуракова 1999, 10]:

Жэчыран гур. Качельный напев.

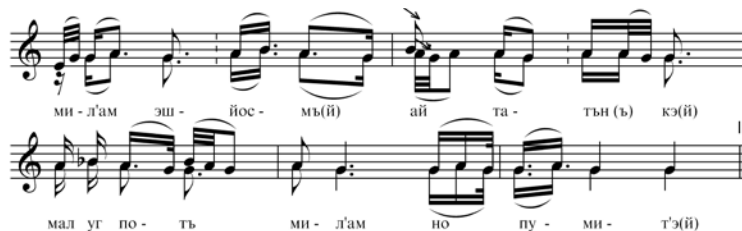
Отъ-теть-теть - теть, ву па - ..., Эш - мен го - го- лы го - го.
Пырась - по - тась, Зам - бы-лай..., кут пу - тэ - тэн кыш - но - мурт.
У - зьам бусь - яд луд - кеч пы - тьы вань, кен - сад ку - но ны - ляд вань.
Ку - но ны-луд-лэн пи - .. аз пужь - ё го - го пы - тьы вань.

[Чуракова 1999, 59].

В кукморской традиции сложности возникли уже на уровне номинации жанра. Исполнители один и тот же напев могли назвать луговым *возь выл сям* (так как исполняется на лугах), семицким *семык сям* (по приуроченности к *Семыку*), качельным *таган / жэчыран сям* (если в первой строфе текста поется о качелях). Сложно также представить в качестве песенного сопровождения во время раскачивания единственный напев, имеющий прикрепленное название *кузь таган сям* (длинный качельный напев): в нем отсутствует главный ритмический показатель равномерного движения – двудольность. Напев имеет замысловатый ритмический рисунок. Певцы должны спеть мелострофу длинного качельного напева, который длится более полминуты (27–32 сек.), на одном дыхании, без цезур. Медленный (затянутый) темп, нарочитая акцентировка каждого звука придают напеву ощущение тягучести, некоторого физического напряжения. *Секыт* (‘тяжело’), – обычно говорят певцы после ее исполнения:

Кузь таган сям. Длинный качельный напев.

та - ган с'у - рэс - мь(й) ай та - т'и - а(й)
ми - лам эш - йос(ь) - мь(й) но та - тын - а(й)
ми - лам эш - йос - мь(й) ай та - тын(ь) кэ(й)
мал уг по - ты ми - лам но пу - ми - т'э(й)

Наша дорога к качелям здесь ли (проходит)?

Наши друзья здесь ли (собрались)?

Если здесь наши друзья, ай,

Почему не хотят нас да встретить?

[Нуриева 1995, 110].

Все перечисленные выше напевы в данной традиции обычно исполнялись на лугу около качелей в качестве медленных хороводных. Длинный качельный напев *кузь таган сям*, кроме того, также сопровождал обряд ломания и сжигания качелей в ночь на *Семьк* (семик, четверг перед Троицей): «Рядом стояли и пели». Вопрос собирателя о пении во время качания всегда встречал недоуменную реакцию: «Во время качания петь не получается».

Термин «качельные напевы» в кукморской традиции, на наш взгляд, связан не столько с пением во время качания (что, однако, не исключается), сколько с централизующей идеей плодородия, возрождения, воплотившейся в раскачивании. Качели, безусловно, были и долгое время оставались главным компонентом обрядового действия, основным развлечением молодежи на месте игр. Поощрялась та пара, которая взлетала выше всех. Но с учетом высоты качелей (до 6–8 м) и амплитуды раскачивания (до 10–12 м) становится понятным ответ песельниц о невозможности петь во время качания. Поэтому термин «качельные песни» для носителей традиции скорее означает пение на лугах около качелей.

Удмуртские весенние качели (из собрания Казанского Госуниверситета [опубл.: Коробейников 2006, 46])

Таким образом, наличие в системе календарного цикла жанра качельных песен, номинированных самими исполнителями, не всегда означает их абсолютное функциональное соответствие. И, наоборот, – отсутствие специального термина, обозначающего пение при качании (например, *присказульки* в русской традиции), не является, в свою очередь, показателем отсутствия жанра.

Сходство же этнографических деталей проведения качельного обряда в русской и удмуртской традициях, на наш взгляд, во многом обусловлено многовековым совместным проживанием на одной территории. Привлечение материалов по другим этносам, населяющим данный регион, позволит расширить источниковую базу и выйти на новый уровень сравнительного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырева В. Г. Об особенностях севернорусской песенной традиции на территории Камско-Вятского междуречья // Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей / Сб. статей. Науч. ред. Г. В. Лобкова. СПб: Скифия-принт, 2016. С. 391–399.

Верещагин Г. Е. Очерки русских Вятско-Прикамского края // Собр. соч.: в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2.: Ижевск, 2001. 240 с.

Коробейников А. В. Этнопедагогические проекты в краеведческом образовании. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2006. 66 с.

Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. Вып. 1 (Удмуртский фольклор). 232 с.

Нуриева И. М. Труды Г. Е. Верещагина как источник этномузыковедческих исследований // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 154–160.

Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.

Стародубцева С. В. Русские качельные песни в традиционной культуре Удмуртии // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 128–132.

Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Вып. 1 (Удмуртский фольклор). 120 с.

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1 (Удмуртский фольклор). 160 с.

Vikár L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. 524 p.

Поступила в редакцию 09.10.2017

Болдырева Вера Геолоновна,

доцент,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

e-mail: bold@udm.ru

Нуриева Ирина Муртазовна,
доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
e-mail: nurieva-59@mail.ru

V. G. Boldyreva, I. M. Nurieva

The Easter Swing: Towards the Problem of the Russian-Udmurt Parallels

The problem of Russian-Udmurt musical connections is raised in the paper. The object of the research is spring swinging rituals that functioned in the Russian and Udmurt traditions not so long ago.

The origins of the ritual of spring swinging, known to many people, lie in the mythological beliefs of the pre-Christian era and are connected with the idea of spring as a time of revival and renewal of life. Ethnographic descriptions of the Russian and Udmurt rites of swinging are similar in many ways, differences occur at the level of verbal and musical codes. In the Russian tradition during the swinging normally lyrical and humorous songs are sung, and there are only so-called *priskazul'ki*, accompanying swinging in the Vavozh District. In the Udmurt tradition, the term *zechyran gur* (swinging songs) has been recorded in the Kizner and Kukmor Districts, but it does not involve the performance of songs during swinging far and wide. Attraction of materials on other ethnic groups inhabiting the region will expand the source database and reach a new level of comparative studies.

Keywords: Udmurt and Russian folklore, the ritual of spring swinging, music code, swinging songs.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 163–172. In Russian.

REFERENCES

Boldyreva V. G. Ob osobennostjakh severnorusskoj pesennoj tradicii na territorii Kamsko-Vjatskogo mezhdurech'ja [On features of the North Russian song tradition in the territory of the Kama and Vyatka rivers]. *Fol'klornye tradicii Severa i Severo-Zapada: areal'nye issledovanija v kontekste jetnokul'turnyh vzaimosvjazej / Sb. statej. Nauch. red. G. V. Lobkova* [Folklore traditions of the North and Northwest: areal researches in the context of ethnocultural interrelations / Collections of articles. Science editor G. V. Lobkova]. SPb.: Skifija-print, 2016, pp. 391–399. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Očerki russkich Vjatsko-Prikamskogo kraja* [Essays of Russians of the Vyatka and Kama region]. *Sobr. soch.: v 6 t. / pod red. V. M. Vanjusheva. T. 3. Kn. 2. Vyp. 2* [Collected works in 6 v. Vol. 3, book 2, issue 2]. Izhevsk, 2001. 240 p. In Russian.

Korobejnikov A. V. *Etnopedagogičeskie proekty v kraevedčeskom obrazovanii* [The ethno-pedagogical projects in the regional education]. Izhevsk: NIC «Reguljarnaja i haotičeskaja dinamika», 2006. 66 p. In Russian.

Nurieva I. M. *Muzyka v obrjadovoj kul'ture zavjatskich udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myshlenija* [Music in the ritual culture of the Trans-Vyatka Udmurts: Problems of cultural context and traditional thinking]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1999. 272 p. In Russian.

Nurieva I. M. *Pesni zavjatskich udmurtov* [Songs of the Trans-Vyatka Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1995, issue. 1 (*Udmurtskij fol'klor* [Udmurt Folklore]). 232 p. In Russian and Udmurt.

Nurieva I. M. Trudy G. E. Vereshchagina kak istochnik etnomuzykovedcheskih issledovanij [G. E. Vereshchagin's works as source of ethnomusicological research]. *G. E. Vereshchagin i jetnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ja / Sb. statej. Otv. red. V. M. Vanjushev* [G. E. Vereshchagin and ethno-cultural development of the peoples of the Ural-Volga region: collection of articles]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2004. P. 154–160. In Russian.

Starodubceva S. V. *Russkaja horovodnaja tradicija Kamsko-Vjatskogo mezhdurech'ja* [Russian round dance tradition on the territory between the Kama and Vyatka rivers]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2001. 421 p. In Russian.

Starodubceva S. V. Russkie kachel'nye pesni v tradicionnoj kul'ture Udmurtii [The Russian swinging songs in the traditional culture of Udmurtia]. *G. E. Vereshchagin i jetnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'jav / Sb. statej. Otv. red. V. M. Vanjushev* [G. E. Vereshchagin and ethno-cultural development of the peoples of the Ural-Volga region: collection of articles] Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2004, pp. 128–132. In Russian.

Hodyreva M. G. *Pesni severnyh udmurtov* [Songs of the Northern Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1996, issue 1 (*Udmurtskij fol'klor* [Udmurt Folklore]). 120 p. In Russian and Udmurt.

Churakova R. A. *Pesni juzhnyh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 1999, issue 1 (*Udmurtskij fol'klor* [Udmurt Folklore]). 160 p. In Russian and Udmurt.

Vikár L., Bereczki G. *Votyak Folksongs*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. 524 p. In English and Udmurt.

Received 09.10.2017

Boldyreva Vera Geolenovna,

Associate Professor,

Udmurt State University

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation

e-mail: bold@udm.ru

Nurieva Irina Murtazovna,

Doctor in Art History, Leading Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature,

Ural Branch of Russian Academy of Sciences

4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation

e-mail: nurieva-59@mail.ru